

12+
Н.Г. СЕВЕРОВА

**ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН:**

**СУБЪЕКТИВНЫЙ
ВЗГЛЯД**

Наталья Северова Владислав Крапивин: субъективный взгляд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69187633

ISBN 9785005994080

Аннотация

Владислав Крапивин – ренессансная личность и феноменальный прозаик, способный увидеть обыденную действительность как поэтическое произведение, основу для романтического подвига и сказочного переосмысления жизни. Книга Н. Г. Северовой «Владислав Крапивин: субъективный взгляд» предназначена для учителей литературы и школьников. Материалы книги могут быть использованы в работе спецкурсов, спецсеминаров, при написании курсовых, дипломных работ по творчеству В. Крапивина в высших учебных заведениях.

Содержание

Глава 1. Много лет тому назад	6
Глава 2. Поэт и Герой	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владислав Крапивин: субъективный взгляд

Наталья Северова

*«Командор» – высшее звание во флотилии
«Каравелла».*

*Присваивается только одному человеку –
главному командиру всего отряда.*

Дизайнер обложки Елена Назарова-Корсакова

© Наталья Северова, 2025

© Елена Назарова-Корсакова, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0059-9408-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все годы командором «Каравеллы» является Владислав Петрович Крапивин, которого остальные члены пресс-отряда и флотилии – флагманы, флаг-капитаны, штурманы, подкиперы, матросы и даже кандидаты – называют Слава.

Это вызывает справедливое негодование у педагогов и методистов Дома пионеров.

И у самого Славы, видимо, тоже, так как он несколько раз пытался уступить свое звание другим и уйти в отставку.

Но совет «Каравеллы» не отпускает.

В свободное от отрядных дел время В. П. Крапивин пишет детские книжки.

Некоторые «знатоки» литературы и педагоги утверждают, что он «завел себе отряд, чтобы списывать с него своих героев».

Это неправда.

Во-первых, отряд появился, когда первая книжка уже была написана.

Во-вторых, командор утверждает, что списывать бесполезно: книга получилась бы такой ужасной, что никто ее не решился бы напечатать.

Но это он, наверно, шутит...»

*«Краткая энциклопедия «Каравеллы» [1; 74—75]
[1986 год]*

Глава 1. Много лет тому назад

«Начиналась совсем уже сказка. А у сказки свои правила».

Владислав Крапивин

«Далекие горнисты»

Если бы не было книг Владислава Крапивина, наше детство все равно состоялось бы.

Но не было бы в нем той высокой и правильной ноты, которая помогает оставаться человеком во взрослой жизни.

Мы скупно говорим о детской литературе.

Или потому, что литературного критика (человека взрослого) давным-давно отволновали вопросы, встающие перед ребенком.

Или материал для критика не тот.

Нет возможности искать второй смысл.

А то и третий...

Да и сама атмосфера произведений для детей напоминает «мир растений».

А мы всё дальше от социального вегетарианства.

Но есть детские писатели, к творчеству которых применить слова «тишь да гладь» невозможно.

Крапивин.

Поговаривают – и не в порядке комплимента, – что в его

книгах слишком ясно обозначено то, что он хотел сказать.

Отвечает он, дескать, на «детские вопросы» однозначно и определенно.

За что тут критике ухватиться?

И в итоге – истинный писатель обделен вниманием.

Судьба всех провинциальных писателей?

Несмотря на то, что даже в Японии...

Но читатели-то любят его.

Тянутся сердцем к нему.

К его героям.

И такие письма пишут Владиславу Крапивину, какие могут писать только ему.

А читать книги Крапивина трудно.

Душу можно поранить.

Расцарапать зажившие болячки совести.

Легко и приятно читать ремесленные опусы, где и автору, и героям, и читателю обеспечены комфорт и уют.

А крапивинские «счастливые финалы» – от уверенности автора, что справедливость все равно восторжествует.

И от желания автора не убить страхом потребность в продвижении у мальчишек.

Психологический комфорт в произведениях Крапивина есть.

Но это не самоцель для писателя и его героев.

Это – короткий привал.

Главное – драка.

Ее цель – человеческое в человеке.

Это – комфорт особого рода, когда у героев отсутствуют инстинкты собственничества и самосохранения.

Могут возразить: вся детская литература имеет эту черту.

Должна, видимо, иметь вся.

Но так ли это на самом деле?

Подросток понимает написанное Крапивинным.

А взрослый читатель поначалу теряется: юный герой живет не по взрослым правилам.

Его идеалы – другого порядка.

Они еще не потускнели.

Еще не потерты жизнью.

И герой Крапивина сопротивляется всему, что способно эти идеалы снизить, притушить, извратить.

Так что же? Дифирамбы – Крапивину?

Небезопасно.

Если вспомнить хлесткую статью А. Разумихина «Правило без исключений, или Прозрачная злость и интеллигентные мальчики Владислава Крапивина» («Урал», 1982).

Там мальчикам и писателю досталось, по сути, за высокие идеалы и за верность этим идеалам.

Исповедуя принцип «хочешь жить – умей вертеться», заслонив идеалы идеей приспособленчества, к героям Крапивина подходить нельзя.

Как нельзя, скажем, к лирической поэзии подходить с мерками деловой прозы.

«Идеальность» героев Крапивина – основной упрек упомянутой статьи – понята была как нереальность.

А писатель на такой «реальности» никогда и не настаивал.

«Бешеный комплекс полноценности» крапивинских мальчишек, сила их братства – как раз то, что привлекает юного читателя, принимающего единство реальности и вымысла без усилий.

Сначала – это естественная тяга к прекрасному («Флаг отхода», «Оруженосец Кашка»), оформление представлений о том, каким должен быть мир.

Затем – пора отстаивать этот мир («Колыбельная для брата», «Мальчик со шпагой»).

А с определенного момента – для максимальной отчетливости позиции героя и обострения конфликтов – писателю стала необходима помощь чудесного, волшебного.

Контраст идеального и обыденного усиливался элементами фантастики, чуда («Тополиная рубашка»).

Итак, в начале – романтический (и даже, элегически нежный) мир (цикл «Флаг отхода»).

Рассказы этого цикла рождались в разное время.

Объединяет их не столько общее место действия или флер бесконфликтности, сколько высвеченность двух линий: романтика, детство.

Мальчишки и романтика.

Эти две линии в творчестве начинающего писателя были отчетливы уже в 1960-годы.

Единству их Владислав Крапивин верен и в последующих произведениях, доказывая своими книгами, что романтика, в его понимании, – не просто «выражение возвышенных настроений и стремление к идеалу».

Романтика у Крапивина – это средство противостояния неправде, несправедливости, пошлости, средство победить в человеке то темное, что уродует душу.

Романтическое в такой трактовке – то, что лепит из ребенка личность, нацеленную на созидание, а не на разрушение.

В «Парусах» писатель говорит о том, что умение видеть мир удивительным, разноцветным, обещающим открытия – это не только признак детства.

Это – черта любого талантливого, деятельного и бескорыстного человека.

Увы, многие утрачивают, взрослея, это умение, а с ним и бескорыстие, созидательную активность, талант или степень талантливости.

Этическое же кредо Владислава Крапивина – как раз в этих чертах личности, в таком умении видеть мир.

Поэтому ему так дороги герои, характеры которых закладываются и испытываются в обстоятельствах необычных.

Поначалу эта романтика созерцательна, декларативна («Флаг отхода»).

Со временем система романтических принципов в произведениях Крапивина развернется и усложнится.

Необычному, романтическому, чудесному писатель от-

водит всевозрастающую роль в раскрытии своих замыслов и принципов, прежде всего этических («В ночь большого прилива», «Голубятня на желтой поляне»).

Главное, что находят для себя мальчишки в романтике – свобода.

Свобода, необходимая для поддержания чувства собственного достоинства.

Без это чувства человека нет.

Нет личности.

«Мальчик и солнце» – пример рассказа о счастье, идущем от веры в себя и в мир.

Открытость, доверие героя к окружающему доведены до такой степени, что мальчишка воспринимается как символ безграничных человеческих возможностей.

Каждый предмет для юного героя одухотворен, имеет тайный смысл, будь то лист каштана или солнце.

Основное в поведении героя – предвкушение чуда и сотворение чуда.

Личность (если она личность) достойна чуда, заслуживает волшебной помощи:

«Я боялся унижения не меньше, чем топора, и отчаянно дернулся из ржавых когтей. Они разодрали мне руки от плеч до кистей, но я взмыл над поляной и с высоты, не чуя боли, радостно и освобожденно заорал:

– Эй, ты, ржавая кадушка! Взял, да?! Фашист паршивый! Прыгни сюда, я оборву тебе завязки на подштанни-

ках!» («*Тополиная рубашка*») [2;486].

Герои Крапивина не случайно попадают в обстоятельства, при которых возможен или даже необходим подвиг (а то и настоящее чудо).

При всей духовности героев (вспомним – «интеллигентные мальчишки») они активны, они – экспериментаторы.

Эксперименты идут с человеческими возможностями.

Прежде всего с собственными.

Чудеса чудесами, но решение переступить черту герой принимает сам.

Причины?

Например, такая, как в повести «Дети Синего Фламинго»: герой надеется оказаться в настоящей сказке.

Рискует жизнью стеклянный Тилька, отказываясь от коробки с ватой, где был бы в полной безопасности:

«Я же сразу динь – и помру. Мне нужна свобода и дожди дики» («*Возвращение клипера „Креchet“*») [3;136].

Мотивы поступков у героев Владислава Крапивина иные, чем у всех остальных.

Потому что система ценностей другая.

В «Голубятне на желтой поляне» победит система ценностей четырех ребят и Яра Родина, а не тех, которые «велят».

Ценности иные...

Отсюда феномен капли в книгах Крапивина: ничтожно малые вещи, явления обладают силой, способной противостоять развитой цивилизации (барабанная палочка, резино-

вый мячик).

Несоответствие масштабов — цивилизация и мячик — идет от жизненного наблюдения: порой мощные социальные устои бессильны перед человеческим чувством.

Крапивин — максималист?

Вероятно.

Этот максимализм проявляется в жажде абсолюта, абсолютной справедливости.

А в реальную жизнь абсолюта даже с трудом не вписывается...

Но вне деятельности, направленной на осуществление идеала, трудно представить человека.

Другим — все равно.

Герою Крапивина — не все равно.

И положительные его качества часто доводятся до абсолюта.

До абсолюта — в данной ситуации.

Какой повод доброжелателям поговорить о стерильности таких героев!

Главное проявление абсолюта в произведениях Крапивина — в движении, в развитии.

Застывшие формы — пародия на абсолюта — несут зло, а потому уничтожаются главным героем.

Потребность автора в развитии приводит его к фантастическим произведениям, где возможна не только смена действия, но и увеличение степени опасности для жизни героя,

изменение смысла его существования.

Потребностью в абсолюте диктуется форма произведения.

Поэтому так органично чувствуют себя в Мире Владислава Крапивина сказка и фантастика.

Ведь для создания условий максимального проявления конфликта (должного и сущего) необходима деформация действительности («Голубятня на желтой поляне»).

Движущая сила крапивинских героев – чувство собственного достоинства.

Оно ведет к стремлению утвердиться, самореализоваться.

Отсюда конфликтные ситуации.

И потребность героя идти на конфликты – это потребность сломать лестницу капитуляций, по которой с возрастом спускается почти каждый.

Это бунт против несправедливости.

Бунт, созидаящий душу.

Кирилл Векшин («Колыбельная для брата») ужаснулся при мысли о том, что каждый ребенок, вырастая, может стать преступником.

И Митька Маус.

И Антошка.

Кириллу страшно: он не знает причин этого.

И задается вопросом: почему некоторые становятся гадами?

Может быть, потому, что сначала бояться других гадов?

Обстоятельства усложняются.

Усложняется герой.

И «детские вопросы» приближаются по значимости к «проклятым вопросам» всей мировой литературы.

Есть у героев Крапивина еще один принцип, характерный для творческой личности.

Это – умение видеть, что все могут быть неправы, и научиться жить ради истины, а не для окружающих, если они дискредитировали себя, предали истину.

Разговор об этом не прост.

Путь скользок.

Слишком легко обвинить при таком раскладе крапивинских мальчишек в эгоизме...

А мальчишки, создав свой, романтический, светлый мир, сравнивают с ним мир реальный.

И потому слишком остро видят несправедливость.

И ради высших принципов отходят от людей, оставаясь иногда только с этими принципами.

И ожесточенно их защищают.

Как самое последнее.

Фанатично.

И фантастично.

Владислав Крапивин – детский писатель.

Детская литература.

Игровая?

Игрушечная?

Мини-проблемы?

Макси-бодренькие сентенции?

Игра в поддавки?

Но, если нет мрака в качестве фона, неврастении как главного настроения, метаний бескровных характеров как действия – значит, это уже и не литература?

Истрепанная тема дискуссий, в финале которых звучит ответ: все зависит от мастерства писателя и его смелости.

Крапивин не побоялся дать литературе героя из будущего. Но живущего и растущего сегодня.

Отсюда конфликты героя Крапивина с антигероями – сегодняшними, вчерашними и позавчерашними.

Антигероями, способными извратить гармонию завтрашнего мира.

Поэтому мальчик со шпагой не бросает оружие.

Так виделся мне Мир, созданный Владиславом Крапивиным, несколько десятков лет назад.

Это было время на грани условного социализма и пещерного капитализма.

Прошли десятилетия.

Наступило СЕЙЧАС.

Из СЕЙЧАС смотрю на Мир Владислава Крапивина.

Глава 2. Поэт и Герой

Свердловск.

1966 год.

В свет выходит повесть Владислава Крапивина «Оруженосец Кашка».

В этой повести герой-повествователь с легкой улыбкой пишет:

«Сейчас рыцари на земле повывелись. Но в далекие времена, когда на высоких горах стояли каменные замки, когда в темных дубравах водились буйные разбойники, а ученые-астрономы носили остроконечные колпаки с серебряными звездами, рыцарей было видимо-невидимо» [4;17].

С улыбкой читают эти строки свердловские мальчишки и девчонки, еще не зная о том, что держат в руках книгу, в которой «работоторговец» Володя, готовый продать живую душу маленького Аркашки, превратится к концу повести из бутафорского рыцаря в рыцаря истинного.

А причиной этого превращения станет «малек» Кашка, которого поначалу Володя называет не иначе как «инфузорией».

Книга эта о Воине и Сказочнике.

О Герое и Поэте.

Книга о Том, кто хочет управлять реальной жизнью.

И о Том, кто хочет создавать новую, достойную его души,

жизнь.

Это два разных человека: тринадцатилетний Володя и восьмилетний Кашка.

И эта повесть о том, как создавалось одно стихотворение. Как кусочки жизни, не всегда доброй, не всегда счастливой, превращались в поэтическую сказку о красоте мира и единении с таким радостным миром.

Эта книга о том, как Жизнь при помощи маленькой души будет вытачивать поэтические строки.

Детский летний лагерь.

Массовые, незапланированные взрослыми, увлечения девчонок и мальчишек – волны.

И шутивая классификация волн, которую предлагает нам повествователь.

Волны безвредные...

Волны опасные...

...К которым и относится последняя волна – стрельба из лука.

Казалось бы, стихию не остановить, но выход найден: стихию направляют в безопасное русло.

Все стрелки объединяются в Великий и Непобедимый Рыцарский орден и подчиняются его законам.

А после этой картины кипучей детской жизни все повествование сужается к одному герою – Володе Новоселову.

РЫЦАРЬ

Володя хорошо вписался в ребячий социум.

На данный момент он – лучший стрелок в лагере.

У себя дома – он активный участник междомовых мальчишеских войн.

Он умеет растолковать, что обижать его не рекомендуется, компании пацанов из Белого Ключа.

Он даже смог достучаться до сердца самой строптивой на свете девчонки.

Пятую главу повести автор посвящает истории знакомства Володи с этой сварливой девчонкой.

От которой герой получает пощечину.

И которую пытается прищучить выстрелом из рогатки.

На этом военные действия не заканчиваются.

Сварливая Надежда натравливает на Володю местных пацанов...

Одним словом, герою выпадает постоянная битва за жизнь.

Но Володя ведет себя по-рыцарски.

Он уничтожает единственное средство, которое может защитить его в неравных боях в Белом Ключе, вспомнив, что год назад пообещал, что никогда не поднимет рогатку ни на человека, ни на зверя, ни на птицу:

«Это случилось на берегу ручья, когда Сережа Вересов поднял с земли своего белого почтаря, перемазанного кровью, и, ничуть не скрывая слез, сказал:

– Сперва в голубей стреляете, потом в людей будете? Фашисты...» [4;78]

Володя – рыцарь.

Володя мог и не признаваться в том, что разбил корчагу хозяев, у которых поселился, потому что Надежда спровоцировала его на выстрел из рогатки.

Но:

«– Я не ради тебя вмешался, а ради собственной совести, – внушительно сказал Володя» [4;71].

Володя может убежать, когда его собираются избить четверо пацанов в Белом Ключе, но ему страшно представить, что за его бегством будут наблюдать с насмешкой незнакомые ему жители этого поселка.

Володя – рыцарь, живущий по четкому своду правил.

В этот свод продуманных правил не входит понятие радость.

И повествователь редко употребляет слово «радость», рассказывая о Володе.

Иногда это слово даже несет негативный оттенок.

Вот Райка сетует, что не смогла сбить коршуна стрелой:

«В глубине души Володя был рад, что Райка промахнулась. Но это была скверная радость, и Володя разозлился на себя» [4;20].

ОРУЖЕНОСЕЦ

По-иному относится к радости Кашка, которому выпадает роль оруженосца рыцаря Фиолетовых Стрел.

Вся Кашкина жизнь вращается вокруг слова «радость»:

«Но зато Кашка мог встречать поезда. Мог бродить по ближнему лесу. Сидеть на крыше и смотреть на облака. Все это было привычно, и все это была радость» [4;49].

Мальчишка, закончивший первый класс.

Незаметный, как полевая кашка в траве.

На речку не сбегает.

В драки не лезет.

В лагерных концертах не участвует.

Не оруженосец, а унижение для рыцаря.

Но на защиту неприметного героя встает повествователь.

Вот только что закончилась вторая глава повести вопросом-утверждением Володи: «Ну, какие, Райка, у такой малявки переживания?», как тут же в начале третьей главы Володе возражает повествователь:

«Но Володя ошибался. Были у Кашки и переживания, и заботы» [4;26].

Были у него и тайны.

Самая большая тайна – Кашкина Страна.

Страна, где живут челотяпики.

Летчик из сломанного самолетика.

Оловянный Мотоциклист.

Морской Капитан.

Старый Шишан.

И самая маленькая из всех матрешек.

Это – друзья Кашки.

Потому что нет поблизости ребят вроде Кашки, чтобы играть вместе.

Или совсем маленькие, или очень уж большие.

Прошлым летом особенно тяжело пришлось Кашке.

Сильно заболел отец.

Родители уехали в больницу.

А Кашка остался с незнакомой для него бабушкой.

Папиной мамой – бабой Лизой.

Суровой и молчаливой.

На небе пасмурно.

И на душе у Кашки – пасмурно и пусто.

По вечерам эта пустота заполняется едучей тоской.

Но Кашка готов мгновенно откликнуться на все доброе, что идет от мира:

«Но однажды утром какой-то добрый ветер прогнал тучи, и в Кашкино окно глянуло умытое солнце. Глянуло, пощекотало Кашку лучами и позвало в дорогу.

– Ладно, – тихонько сказал Кашка и встал» [4;28].

Все эпизоды из жизни Кашки, о которых нам сообщает повествователь, это – попытки подружиться с миром.

Именно поэтому, не отдавая себе отчета, почему он это делает, Кашка становится волшебником.

Кашка превращает все обычное, что окружает его, в сверхважное и поэтичное.

Катушка ниток в руках у Кашки становится волшебной трубой:

«Поднесешь к глазу – и видишь, как в светлом кружке обыкновенная трава превращается в заросли сказочного леса. Кажется, что все это переплетение узорчатых листьев, колосьев и цветов сразу становится громадным» [4;30].

Именно в эту волшебную трубу Кашка увидел белый парусник.

Парусник принадлежит драчливому пацану Пимычу, а у Кашки есть причины Пимыча бояться.

Но Кашке так хочется рассмотреть парусник, что он забывает об осторожности.

Ведь этот кораблик поможет Кашке совершать открытия вместе с друзьями-челотяпиками.

Повествователь постоянно напоминает нам о том, что его главный герой любит и умеет делать открытия.

Но попытка Кашки купить кораблик-мечту заканчивается крахом.

Собранные для продажи ягоды герой даром отдает пассажирам поезда.

И чувствует себя в выигрыше:

«Потому что появилась другая радость: дальние поезда и веселые добрые люди с хорошими песнями. Кашка шел их встречать и нес им лесной подарок» [4;43].

Если раньше пространством, где героя поджидали радостные открытия, был лес, то теперь появляется второе про-

странство, приносящее радость – станция, где можно встретить людей с глазами, в которых светят теплый огонек и хорошая искорка любопытства:

«И сам он [Кашка – Н.С.] неожиданно быстро научился смотреть таким людям в глаза радостно и открыто» [4;50].

Дальние поезда и путешествующие в них люди подарили Кашке такую песню и звучали в ней такие слова, что с ним произошло то, чего раньше не происходило никогда...

Поезд ушел, а Кашка и мир вокруг него продолжили жить по ритму, по законам песни и стихов их этой песни:

«А Кашка стоял на перроне, по которому с размаху пролетали серые тени облаков. И ветер лохматил ему волосы. И солнце щекотало уголки глаз. А тонкие ласточки мчались вдоль путей вслед убежавшему поезду. Так, наверное, чайки летят за уплывающими кораблями.

И облака, и тени, и ветер, и ласточки были, как продолжение песни» [4;42].

Но все-таки самого интересного человека Кашке дарит лес.

Костя.

Тоже, как и Кашка, путешественник и первооткрыватель. Только Страна, в которой он делает свои открытия – Памир.

При встрече Костя сразу же задает Кашке самый главный для них, обоих, вопрос:

«А ты здесь что делаешь? Тоже ищешь свою жар-птицу?» [4;52]

Так появляется в жизни главного героя повести образ, который вберет в себя все то, ради чего просыпается по утрам и отправляется в свои путешествия Кашка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.